

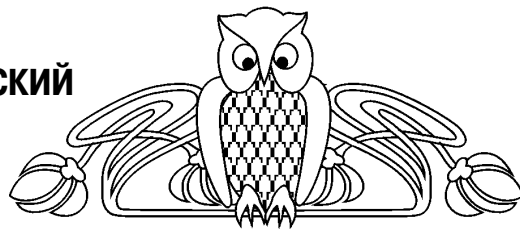


УДК 94 (47+470.44–25)/16/+929 Черново-Оболенский

ЛИЧНОСТИ СМУТНОГО ВРЕМЕНИ: ФЕДОР ТИМОФЕЕВИЧ ЧЕРНОВО-ОБОЛЕНСКИЙ

Я.Н. Рабинович

Саратовский государственный университет
E-mail: RabinovichYN@yandex.ru



В центре внимания автора статьи – судьба одного из малоизвестных деятелей Смуты, оказавшегося в 1611–1612 гг. в эпицентре событий, связанных с образованием новгородско-шведского политического альянса (союза), с переговорами в Ярославле между лидерами Нижегородского ополчения и новгородцами. Автор подробно рассматривает дальнейшую судьбу этого человека, его переход на сторону правительства Михаила Романова, пребывание на посту воеводы Саратова, участие в строительстве новой крепости в Астрахани. В статье рассмотрены неизвестные страницы истории левобережного Саратова 1620-х годов.

Ключевые слова: Смутное время, Швеция, Яков Делагарди, Федор Тимофеевич Черново-Оболенский, переговоры, воевода, Новгород, Старая Русса, Саратов.

Personalities of the Time of Troubles: Feodor Timofeevich Chernovo-Obolensky

Y.N. Rabinovich

In the center of attention of the article is the life of one of the little-known figures of the Time of Troubles, who was in the center of events, related to the formation of the Novgorod-Swedish political union, and the negotiations in Yaroslavl between the leaders of the Nizhny Novgorod's militia and Novgorod's citizens. The author considers the following life of this person in detail, his joining the government of Michael Romanov, his post of voevoda of Saratov, taking part in the construction of a new fortress in Astrakhan. The article pays attention to the unknown facts of Saratov history on the left bank of the Volga in the 1620-s.

Key words: The Time of Troubles, Sweden, Yakov Delagardi, Feodor Timofeevich Chernovo-Obolensky, talks, voivode, Novgorod, Staraya Russa, Saratov.

Федор Тимофеевич Черново-Оболенский – князь Рюрикович, потомок святого Михаила Всеволодовича Черниговского – принимал активное участие в событиях Смутного времени, был стольником в Тушино, в 1611 г. присягнул шведскому королевичу Карлу Филиппу, а затем перешел на сторону Москвы, признав царем Михаила Федоровича Романова. Ф.Т. Черново-Оболенский прожил бурную и долгую жизнь, служил не только Михаилу Федоровичу, но и Алексею Михайловичу.

О родословной воеводы Ф.Т. Черново-Оболенского можно сказать следующее. Один из сыновей Михаила Всеволодовича Черниговского, Юрий Михайлович, получивший в удел Тарусу, имел пятерых сыновей, один из которых, Константин Юрьевич, стал родоначальником князей Оболенских. Князья Оболенские рано перешли

на службу Москве, уже при Дмитрие Донском участвовали в борьбе с Тверью, Литвой и Ордой.

Внук Константина Юрьевича Оболенского, Константин Иванович, погиб в 1368 г. при нашествии на Москву литовского князя Ольгерда. Его внук, Семен Иванович Оболенский, имел двух сыновей: Дмитрия Щепу (родоначальника князей Щепиных, Золотых и Серебряных) и Константина. Один из десяти сыновей последнего – Михаил Константинович Оболенский-Сухорук – являлся прадедом нашего героя, князя Федора Тимофеевича Черново-Оболенского.

Старший из трех сыновей Михаила Константиновича, Федор Михайлович Черный, был боярином во времена Ивана Грозного. Его младший брат, Василий Михайлович, имел сыновей Тимофея и Бориса. У Тимофея Васильевича Оболенского был единственный сын Федор, который также получил прозвище Черный или Черново.

По сведениям авторов Славянской энциклопедии, Федор Тимофеевич Черново-Оболенский родился в 1588 г.¹ Он был новгородцем по происхождению, на Новгородской земле, в Деревской пятине, находилось поместье его отца. Это поместье около 1597 г. было передано братьям Порецким. Среди документов Новгородского оккупационного архива сохранились Дачные книги Деревской пятины 1610/11 г., в которых записано: «Иван Иванов сын Порецкой Меншой, ... дано ему в 105 г. кн. Тимофеевское Оболенского 95 чети ... Иван Иванов сын Большой Порецкой... Дано в 105 г. князь Федоровского Оболенского 95 ч.»².

Во время голода в 1603 г. Федор Оболенский закабалил трех холопов (за 2 руб.)³. Достигнув 15 лет, молодой новик начал службу в качестве жильца при царском дворе Бориса Годунова в Москве (1604–1605 гг.). Позднее он получил чин стряпчего с платьем, ему был установлен оклад 25 рублей. В источниках более позднего происхождения записано: «Оболенский Федор Тимоф... старый его оклад 25 р., сыскан в Разряде в боярской книге 117 г.»⁴. Трудно сказать, от кого были получены эти пожалования: от царя Бориса, его сына Федора или Лжедмитрия I. События в Москве в это время происходили с головокружительной быстротой.

Федор Тимофеевич был свидетелем трагических событий начала XVII в. в Москве: последних дней жизни Бориса Годунова, кратковременного царствования Федора Борисовича и его смерти,



восстания москвичей 17 мая 1606 г. и убийства Лжедмитрия I.

После вступления на престол Василия Шуйского Ф.Т. Черново-Оболенский участвовал в подавлении движения Ивана Болотникова. В боях под Калугой упомянут стряпчий с платьем «князь Федор княж Тимофеев сын Черново-Оболенский»⁵. Первоначально Ф.Т. Черново-Оболенский, судя по всему, принадлежал к аристократической оппозиции Василию Шуйскому. Сохранились сведения о том, что Ф.Т. Черново-Оболенскому был установлен старый оклад (25 руб.) и что при Василии Шуйском в 1608 г. он получил придачу (15 руб.)⁶. По-видимому, эта придача к окладу – награда за бои с Болотниковым. Однако эти дополнительные пожалования не изменили отношения князя Федора к царю Василию. В 1608 г. после поражения князя Дмитрия Шуйского под Болховом и создания Лжедмитрием II тушинского лагеря Федор Тимофеевич, как и многие другие молодые дворяне, отъехал в Тушино. Как отметил современный исследователь А.А. Селин, Смутное время способствовало карьерному росту молодых служилых людей, особенно провинциалов: «Смута открыла для них невиданные перспективы личной карьеры»⁷. В Тушино Ф.Т. Черново-Оболенский занял должность стольника.

После свержения царя Василия Ф.Т. Черново-Оболенский вместе со многими бывшими тушинцами принял сторону Семибоярщины, признал королевича Владислава Московским царем (июль-август 1610 г.). Трудно сказать, при каких обстоятельствах наш герой в дальнейшем оказался в Новгороде. Скорее всего, Федор Тимофеевич прибыл в Новгород весной 1611 г. в составе отряда В.И. Бутурлина, которого лидер Подмосковного ополчения Прокопий Ляпунов отправил вести переговоры со шведами об избрании шведского королевича на московский престол⁸. Данной версии придерживается Е.И. Кобзарева, которая пишет: «Ф.Т. Черный-Оболенский, судя по всему, служил в Подмосковном ополчении»⁹.

Переговоры между новгородцами и представителем Подмосковного ополчения В.И. Бутурлиным, с одной стороны, и шведским военачальником Яковом Делагарди – с другой, зашли в тупик. Воспользовавшись беспечностью новгородцев, шведы в ночь на 16 июля 1611 г. захватили Софийскую сторону города и вынудили новгородского воеводу И.Н. Одоевского и митрополита Исидора подписать соглашение (договор от 25 июля), по которому новгородцы признали покровительство шведского короля, вступили с ним в союз против Польши и гарантировали избрание на русский престол шведского королевича. В качестве главного воеводы в Новгороде оставался Яков Делагарди, в подчинении которого находился новгородский воевода И.Н. Одоевский.

Летом–осенью 1611 г. после захвата шведами Новгорода и формирования шведско-

новгородского правительства Делагарди – Одоевского многие из дворян, прибывших в 1610–1611 гг. в Новгород из центра страны в составе отрядов И.М. Салтыкова, С.Г. Звенигородского и В.И. Бутурлина, оказались перед выбором: что делать дальше? Под Москвой в это время после убийства казаками дворянского предводителя Прокопия Ляпунова произошел распад ополчения; большинство дворян, опасаясь репрессий, разъехалось из-под Москвы. В Подмосковном ополчении, которое теперь возглавил казачий атаман И.М. Заруцкий, остались в основном казаки и москвичи. Можно полагать, что Ф.Т. Черново-Оболенский и другие дворяне, приехавшие из центра страны, – все эти люди, оставшиеся в Новгороде, сознательно предпочли его переживавшему раскол Подмосковному ополчению¹⁰.

Федор Тимофеевич в это время стал активным поборником идеи избрания шведского королевича на русский престол. В декабре 1611 г. в Швецию было отправлено новгородское посольство во главе с архимандритом Никандром. Новгородские послы в Стокгольме должны были вести переговоры об условиях избрания шведского королевича «на Новгородское государство, а также на Владимирское и Московское». Текст приговора новгородцев об избрании шведского королевича от 25 декабря 1611 г. сохранился. К этому приговору приложили руку некоторые прибывшие в Новгород дворяне Подмосковного ополчения, в том числе поставил свою подпись кн. Ф.Т. Черново-Оболенский¹¹.

После того как город был захвачен шведами, в Новгороде было произведено выделение поместий ряду лиц, которые ранее не имели владений в Новгородской земле. Пожалование получил среди прочих Ф.Т. Черново-Оболенский. Федор Тимофеевич получил оклад 700 четей (четь, или четверть, – единица площади земли). Е.И. Кобзарева впервые ввела в научный оборот более сотни документов из Стокгольмского государственного архива, в том числе Дачную книгу Шелонской пятины 1611–1612 гг. В результате тщательного анализа данного источника Е.И. Кобзарева приводит следующие сведения: «Ф.Т. Черново-Оболенский: размер оклада – 700, получил – 239, недодано – 461»¹². Известно, что ещё до 1613 г. Федору Оболенскому и Курапу Мякинину были пожалованы поместья Лобана Лугвенева в Водской пятине в Будковском, Лужском и Хрепельском погостах¹³. Федору Тимофеевичу было пожаловано также поместье Андрея Трусова в Обонежской пятине. Сохранилась челобитная Федора Оболенского, в которой он просил освободить от податей пожалованное ему поместье Андрея Трусова в Обонежской пятине. Новгородские власти приняли решение «...немецких кормов до указа не имати за его службу и разоренье»¹⁴.

В конце 1611 г., когда шведы окончательно утвердились в своей власти, они организовали централизованный сбор кормов с поместий



руками своих сторонников из русских людей. В основном этим делом занимались те, кто сознательно делал ставку на избрание Карла Филиппа на русский престол. Среди выявленных сборщиков кормов почти половина подписалась под приговором 1611 г. об избрании шведского королевича на русский престол, получив при этом дополнительные земельные пожалования. Новгородское руководство стремилось обеспечить в первую очередь тех, кто оказывал активную политическую поддержку созданному режиму. В Новгороде к этому делу были привлечены дворяне во главе с выходцами из Подмосковного ополчения князем Ф.Т. Черново-Оболенским и С.Е. Отрепьевым. Подъячий Федор Ларионов в своей челобитной в Новгород в декабре 1611 г. писал, что он «... послан был в Оштинской стан с князем Федором Оболенским ... приводить к крестьянному целованию и для денежного сбора». Также сами крестьяне Воскресенского Важенского погоста Оштинского стана позднее писали, что «в 120 году (1611/1612 гг.), приезжал к нам по твоему государеву указу приводит нас к крестному целованию князь Федор Тимофеевич Оболенской да Иван Захарьевич Лутохин с товарищи. И мы ... в своем Важенском погосте тебе, государю королевичу Карлу Филипу Каролевичу, крест целовали»¹⁵.

Весной-летом 1612 г. представители Подмосковного ополчения, оставшиеся в Новгороде, в основном были поглощены проблемой возведения одного из сыновей Карла IX на московский престол. По мнению Е.И. Кобзаревой, именно этим служилым людям практически полностью принадлежала заслуга в установлении контактов с Нижегородским ополчением Минина и Пожарского, а также в переговорах относительно шведской кандидатуры¹⁶. Эти переговоры с князем Д.М. Пожарским летом 1612 г. со стороны новгородцев возглавлял Ф.Т. Черново-Оболенский.

Весной 1612 г. ополчение Минина и Пожарского прибыло в Ярославль. Отсюда Пожарский отправил в Новгород Степана Лазаревича Татищева. При этом бояре в Ярославле просили прислать к ним новгородских послов «вскоре, не замешкав», вместе со С. Татищевым и его спутниками¹⁷. Из Новгорода в Ярославль вместе с Федором Тимофеевичем Черново-Оболенским были отправлены игумен Геннадий и С.Е. Отрепьев. В Отписке кн. Д.М. Пожарского и Ярославской Земской думы новгородскому митрополиту Исидору впервые указываются полностью имена посланцев: «Никола Чудотворца Вяжицкого монастыря игумен Геннадий, да стольник князь Федор Тимофеевич Черной Оболенский да дворянин Смирной Елизарьевич Отрепьев, и дворяне из пятин и торговые люди»¹⁸. По подсчетам А.А. Селина послы выехали из Новгорода в Ярославль 8 июня. Эти люди представляли «шведскую партию», которая в то время была достаточно сильной в Новгороде.

Путешествие из Новгорода до Ярославля

было длительным и опасным. К этому времени Федор Тимофеевич имел семью в Новгороде (жену Марию и малолетнего сына), поэтому он переживал за их судьбу. Сохранилась челобитная Ф.Т. Черново-Оболенского к воеводе И.Н. Одолевскому с просьбой дать его жене, сыну и людям хлеба «в то время как он ездит для государева земского дела в Ярославль»¹⁹. Было принято положительное решение, в июне 1612 г. семье выдано 15 четвертей ржи.

Новгородские посланцы прибыли в Ярославль не позднее 24 июня. Эта дата определяется из следующих строк документа: «... королевич пришел на Иван день в Выборг или кончае на Петров день будет»²⁰. Из этих слов видно, что переговоры проходили между 24 и 29 июня (между Ивановым и Петровым днем). Новгородцы привезли с собой грамоту, в которой сообщалось о согласии короля и его матери отпустить на Новгородское государство Карла Филиппа, а также другие документы: копию договора новгородцев с Делагарди от 25 июля 1611 г., копию грамоты, которую дал Делагарди новгородцам, копию с грамоты и с приговора, отправленного из-под Москвы Прокопием Ляпуновым в июне 1611 г. и статейный список, также отправленный из-под Москвы. Эти документы ранее не были известны лидерам Нижегородского ополчения.

О ходе переговоров между новгородцами и Д.М. Пожарским мы узнаем из грамоты, отправленной из Ярославля в северные города. Получив данную грамоту, жители северных городов, в частности, Великого Устюга, отправили список с нее в другие города (Соль Вычегодскую) для ознакомления²¹. В данной грамоте дается полное имя руководителя посольства новгородцев – Федор Тимофеевич Черново-Оболенский. В «Новом летописце» он назван кратко – Федор Оболенский²². Все исследователи, говоря о переговорах Новгорода с Ярославлем в 1612 г., включая С. Смирнова, С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова, П.Г. Любомирова, так кратко и называют его²³. Полное имя Ф.Т. Черново-Оболенского мы встречаем лишь в статье В. Корсаковой о Д.М. Пожарском и в работе Г.А. Замятина²⁴. Из саратовских краеведов впервые обратил внимание на связь руководителя переговоров в Ярославле с будущим воеводой Саратова А.А. Гераклитов²⁵.

Ход самих переговоров изучен хорошо, поэтому нет смысла подробно останавливаться на них. Интересно отметить лишь несколько моментов. Говоря о приглашении новгородцами шведского королевича, Федор Тимофеевич отметил, что Новгород действовал не самовольно, а по указанию Прокопия Ляпунова. Затем он сказал о цели своего посольства: «Новгород от Москвы никогда не был отлучен», поэтому на Земском соборе в Ярославле выборные должны избрать на Московское государство Карла Филиппа. Однако Пожарский в ответ заметил, что королевича еще нет в Новгороде, поэтому соединиться опасно, при



этом он привел пример с поляками (переговоры москвичей с Жолкевским об избрании Владислава, который так и не прибыл в Москву).

Ф.Т. Черново-Оболенский, сравнивая действия шведов и поляков, убеждал Пожарского, что от шведов не будет никакого разорения. Однако Д.М. Пожарский и митрополит Кирилл, изучив документы, привезенные из Новгорода, обратили внимание, что королевич не православной веры, а Федор Тимофеевич в первой речи умолчал о вере королевича. В договоре новгородцев с Делагарди об этом также ничего не было сказано. Еще при отправке в Новгород С.Л. Татищева ему был дан наказ – узнать о вере королевича. Это главное требование – королевич должен креститься в православную веру²⁶. Поэтому Д.М. Пожарский твердо поставил два предварительных условия, на каких члены Земского собора согласны договариваться с Новгородом: прибытие королевича в Новгород и принятие им православной веры. В ответ Федор Тимофеевич сказал, что новгородцы будут просить, чтобы Карл Филипп принял православие. На прощание Ф.Т. Черново-Оболенский произнес знаменательные слова: «Если только Карл королевич не захочет быть в православной христианской вере греческого закона, то не только с вами, боярами и воеводами, и со всем Московским государством вместе, хотя бы вы нас и покинули, мы одни за истинную нашу православную веру хотим помереть, а не нашей, не греческой веры, государя не хотим»²⁷.

Из переговоров с Ф.Т. Черново-Оболенским Д.М. Пожарский мог сделать и другой вывод: если Карл Филипп не будет избран на русский престол (это могло произойти в случае, если королевич не примет православие, не приедет в Новгород, либо из-за нежелания членов Земского собора), то часть детей боярских, в том числе и сам князь Федор Оболенский, покинут Новгород и будут сражаться вместе с ополченцами против шведов. Федор Тимофеевич не был сепаратистом, он был убежденным сторонником сохранения Новгорода в составе Российского государства.

Пока же разрыва с Новгородом не последовало. Лидеры ополчения дали понять Федору Тимофеевичу и другим послам, что на указанных условиях (скорейшее прибытие королевича в Новгород и его православная вера) они готовы продолжать переговоры и избрать Карла Филиппа московским царем. Пожарский и бояре писали новгородцам: «...пока королевич не придет в Новгород, людям Новгородского государства быть с нами в любви и совете, войны не начинать, городов и уездов Московского государства к Новгородскому государству не подводить, людей к кресту не приводить и задоров никаких не делать»²⁸.

Новгородские послы во главе с Ф.Т. Черново-Оболенским вернулись в Новгород в середине августа 1612 г. вместе с послами князя Д.М. Пожарского. В Новом Летописце сообщается, что «послаша к новгородцам с присланными от них

Перфирия Секирина»²⁹. 13 августа из Новгорода для их встречи и для сбора кормов членам посольства был отправлен по Бельской дороге подъячий Михаил Кудрявцев с наказом: «Ехать до Прилук или где доведетца встретить Послы: Вяжицкого монастыря игумена Геннадия, стольника князя Федора Тимофеевича Черного Оболенского, дворянина Смирного Елизарьевича Отрепьева с товарищи да московского государства ... посланника Перфирия Ивановича Секерина с товарищи»³⁰. В письме Делагарди королю от 23 августа 1612 г. говорится, что новгородцы и ярославцы уже прибыли в Новгород за несколько дней до отправки этого письма³¹.

Послы привезли ответ из Ярославля относительно королевича, из которого видно, что у Собора было серьезное намерение избрать в цари Карла Филиппа. В письмах к Делагарди и к митрополиту Исидору Д.М. Пожарский и бояре согласились пока не выбирать никого, ждать королевича этим годом, «по летнему пути», до осени; они также согласны держаться приговора Ляпунова, однако намекают, что в случае задержки выберут царем другого: «нам без государя быть невозможно»³².

Эта посольская служба Федора Тимофеевича была высоко оценена в Новгороде. 3 сентября 1612 г., приблизительно через две недели после возвращения в Новгород, новгородское правительство пожаловало дополнительными земельными владениями Ф.Т. Черново-Оболенского и С.Е. Отрепьева за ведение переговоров с Д.М. Пожарским: «Сентября в 3 день дана отдельная грамота кн. Федору Оболенскому да Смирному Отрепьеву на старорусское поместье в Чертицком погосте, что осталось за отделом у Ивана Якушкина, да в Ляцком погосте в селе Боброве. На кн. Федоре взят перевод до Дмитриева дня»³³. В дальнейшем Ф.Т. Черново-Оболенский получил также поместье Лобана Лугвенева.

Сохранилась челобитная Федора Оболенского, Смирного Отрепьева и Ивана Якушкина боярам, в которой они просили уменьшить непомерно большой обожной оклад в их поместьях в Старорусском уезде (у них было в тягле 10 обож). Обжа – мера пахотной площади и одновременно – единица налогообложения. Федор Тимофеевич «с товарищи» жаловались, что у них на обжу положили по 10–12 мужиков, тогда как у других помещиков – в два–три раза больше (по 25–30 мужиков). Соответственно им приходилось платить намного больше налогов³⁴.

В дальнейшем мы встречаем Федора Тимофеевича на самых ответственных постах в новгородской администрации. Именно Ф.Т. Черново-Оболенскому было поручено проведение в марте 1613 г. в районе Старой Русы смотра детей боярских, призванных на службу в Новгород и стоявших на «подъезде» к Новгороду. Сохранился список этих людей, охватывающий все новгородские пятинны: «Марта в ... день. Дворяне и дети боярские быти им на государеве службе



с столником и воеводою со князем Федором Тимофеевичем Чорным Оболенским...»³⁵ На этом смотре присутствовало 227 детей боярских, т.е. половина из находившихся в Новгороде во время захвата его шведами в 1611 г. (летом 1611 г. в Новгороде находились 4 дворянские сотни, всего 450 дворян)³⁶. У тех лиц, которые не прибыли на смотр («нетчики»), отбирались поместья, которые передавались другим детям боярским. В ряде документов перечисляются лица, отсутствующие на смотре: «И в списке, каков прислал из Старые Русы князь Федор Оболенской в нынешнем во 121 году марта в 14 день написано...»³⁷

Из собравшихся 227 человек отряд, включавший 101 человека, выступил в поход во главе с Ф.Т. Черново-Оболенским. По мнению Е.И. Кобзаревой, отряд Федора Тимофеевича присоединился к шведскому войску Э. Горна и направился к Пскову. Однако войска, располагая ограниченными силами, не рискнули совершить нападение на крепость. Э. Горн писал королю, что «пошедший в поход князь Федор» сообщил, что новгородцы предполагают совершить какое-то мошенничество. Дети боярские стали дезертировать, пока их не осталось 50 человек³⁸.

Сведений о дальнейшей судьбе Ф.Т. Черново-Оболенского имеется чрезвычайно мало. Можно предположить, что этот неудачный поход весной 1613 г. повлиял на его карьеру. Также следует учесть и избрание в Москве царем Михаила Романова, при этом многие бывшие соратники Федора Тимофеевича присягнули новому царю. Вскоре начались восстания в Новгородской земле против шведов (Тихвин, Гдов, Порхов).

Летом 1613 г. в Выборг прибыл, наконец, шведский королевич Карл Филипп. Новгородцы отправили к нему очередное посольство во главе с архимандритом Киприаном. Однако состав тех, кто подписался под новым приговором, заметно отличался от состава новгородцев, в свое время приложивших руку к приговору в декабре 1611 г. Нет подписи под приговором 1613 г. и князя Ф.Т. Черново-Оболенского, все еще находящегося в Новгороде. Как отмечает Е.И. Кобзарева, представители Подмосковного ополчения, в том числе Ф.Т. Черново-Оболенский, «стали явно тяготеть к Москве, ... начали отходить от политики. Только опасение, что царь может не удержать власть и личное благополучие (наличие поместья, которое, впрочем, приносило все меньше дохода), препятствовало их отъезду в московские полки»³⁹. Многие новгородцы с этого времени не только уклонялись от участия в боевых действиях на стороне шведов, но и бежали к москвичам. Их имущество после переписи и оценки поступало в распродажу. Так, после бегства в конце сентября 1613 г. Григория Загоскина уже в начале октября в ходе распродажи его имущества Ф.Т. Черново-Оболенский купил «медведно деланую болшое... Медведно черное полполтины. Продано князю Федору Оболенскому, денги взяты по цене»⁴⁰.

Чтобы предотвратить это бегство, шведы заставляли новгородцев составлять поручные записи за других жителей. Поручитель в случае бегства человека, за которого он ручался, рисковал своим имуществом. В январе 1614 г. Ф.Т. Черново-Оболенский вместе с другими дворянами подписался за Ефима Федоровича Мышецкого⁴¹. Имя Федора Тимофеевича стоит в этом списке первым, что подчеркивает значение его подписи. Его подпись стоит и в поручной записи от 20.11.1613 г. о невыезде за рубеж Тушиных, Лупандиных и Нарбековых⁴².

Однако бегство служилых людей из Новгорода продолжалось. Причем теперь стали бежать и поручители. 14 июня 1614 г., когда московское войско Д.Т. Трубецкого подошло к Новгороду, шведский военачальник Яков Делагарди отправил к москвичам для переговоров Федора Тимофеевича и других новгородцев. Судьба вновь свела бывших тушинцев и бывших соратников по Подмосковному ополчению. Ф.Т. Черново-Оболенский так и не вернулся в Новгород, перешел на службу царю Михаилу. Вместе с ним остались у москвичей и многие другие новгородцы. Об этом Д.Т. Трубецкой сообщал в Москву в июне 1614 г.: «Июня, государь в 14 день выехал к тебе, государю... из Новгорода от немецких людей из-за Мсты реки из Самойлова полку Кобриня и приехал к нам, холопом твоим, на Бронницы князь Федор княж Тимофеев сын Оболенский...»⁴³ Семья Ф.Т. Черново-Оболенского (жена Марья и сын) осталась в Новгороде. Имя жены Федора Тимофеевича указано в сентябре 1614 г. среди других имен вдов, которым по приказу дьяка Монса Мортенсона должны были давать хлеб⁴⁴.

Две дочери погибшего ранее Никиты Назимова писали в 122 г. (1613/1614) про своих дядей Бестужевых, которые должны были заботиться о них: «Ныне тех наших дядей со князем Федором Оболенским грабили шиши и свели с собою»⁴⁵. Эту фразу можно понимать двояко. А.А. Селин считает, что этих «шишей» возглавлял сам Федор Оболенский. Авторы Славянской энциклопедии пишут, что Ф.Т. Черново-Оболенский «в 1615 г. упоминается источниками, как уведенный из своего поместья шишами»⁴⁶. Речь в данном случае идет об одном и том же источнике, в котором говорится о событиях, происходивших в 122 г., т.е. до 1 сентября 1614 г. Редко удается точно определить, действительное или мнимое насилие было при взятии данного лица в плен. Возможно, переход Федора Тимофеевича на сторону Москвы в июне 1614 г. был вначале воспринят новгородскими властями, как захват его в плен, поэтому репрессий к его семье в Новгороде не было.

После того как Федор Тимофеевич «отъехал за рубеж», его поместье было передано другим людям, которые продолжали служить шведам. Поместье Лобана Лугвенева, которое было ранее передано Ф.Т. Черново-Оболенскому и Курапу Мякинину, после их «измены» в 1614 г. получили



Ф.М. Аничков и дьяк Пятой Григорьев. В ряде документов говорится про бывшие поместья Ф. Оболенского и К. Мякинина в Будковском, Лужском и Хрепельском погостах, а также про «опальный хлеб князя Федора Оболенского»⁴⁷. Сам же Ф.Т. Черно-Оболенский уже в сентябре 1614 г. состоял стольником при дворе Михаила Романова и получал жалование в Галицкой четверти. Ему был установлен оклад в 40 руб., что было зафиксировано в московском документе: «Оболенский Федор Тимоф., стольник. 123 г. 30 сентября велено записать его в 40 рублях: старый его оклад 25 р.,... а 15 р., придача, что было придано при царе Василии, велено справить по разрядному списку стольников, стряпчих и дворян московских»⁴⁸.

На протяжении осени 1614 – весны 1615 г. не прекращалось верстание денежными окладами бежавших из Новгорода детей боярских⁴⁹. Известно, что 30 июня 1615 г. Федор Тимофеевич вместе с другими стольниками, стряпчими и жильцами в Разряде подтвердил оклад Артемия Пуляева и «руку приложил»⁵⁰. Перед этим он 20 июня 1615 г. получил 15 руб. государева жалования «для скудости», после чего был отправлен в Ярославль, собирать ратных людей, чтобы с ними «идти на государеву службу под Смоленск»⁵¹.

Как Федор Тимофеевич выполнял эту задачу по сбору ратных людей, участвовал ли он в боевых действиях под Смоленском – неизвестно. В это самое время (в начале июля 1615 г.) с севера к Москве подходили казачьи отряды из войска атамана Баловня (Михаила Баловнева), которые грабили все на своем пути, забирая с собой многих местных жителей. Казаки выдвигали перед правительством ряд требований, осадили Москву, но в итоге были разбиты боярином Б.М. Лыковым в воскресенье, 23 июля⁵². Ф.Т. Черно-Оболенский сыграл определенную роль в подавлении движения Баловня. Во всяком случае, уже на следующий год Федор Тимофеевич получает щедрые пожалования от правительства. В 1616 г. Ф.Т. Черно-Оболенский записан в стольниках с окладом уже в 100 руб.: «Князь Федор княж Тимофеев Оболенской, поместный ему оклад – ... четей, из чети 100 рублев»⁵³. В этом документе он стоит на 91-м месте между Н.И. Ласкиревым и Ю.А. Сицким (всего перечислены 116 стольников).

Дальнейшая судьба нашего героя связана с городом Саратовом. Сведения о назначении Ф.Т. Черно-Оболенского в Саратов сохранились в Книгах разрядных. Саратов в этих источниках упоминается начиная с 1617 г. За этот год имеется следующая запись: «В понизовых городех: На Саратаре (sic) воеводы князь Федор княж Иванов сын Черно-Оболенской». По-видимому, дьяки Разрядного приказа допустили здесь ошибку в отчестве. Записи за 1618 и 1619 гг. уже содержат другие сведения: «На Саратове воевода князь Федор княж Тимофеев сын Черно-Оболенской»⁵⁴.

Ф.Т. Черно-Оболенский находился в Саратове довольно долго, не менее трех лет, с 1617 до 1620 г. События завершающего периода Смуты в центре страны происходили уже без его участия. Ему не пришлось участвовать в обороне Москвы от войск королевича Владислава, его имя отсутствует в Осадном списке 1618 г.⁵⁵.

По-видимому, именно Федор Тимофеевич возглавлял строительство левого бережного Саратова в устье реки Саратовка и был первым его воеводой. Будучи воеводой в Саратове, Ф.Т. Черно-Оболенский встречал в начале июля 1618 г. царского посла в Персию к шаху Аббасу князя Михаила Петровича Борятинского и персидских послов «Кай салтана и Булат бека». Этот посольский караван отплыл из Казани 22 июня, через дней десять сделал остановку в Саратове, а 11 июля 1618 г. уже прибыл в Астрахань⁵⁶.

Только летом 1620 г. Федора Тимофеевича сменил на посту саратовского воеводы Ефим Федорович Мышецкий. В Книгах разрядных записано: «На Саратове воевода князь Федор княж Тимофеев сын Черно-Оболенской; и с Саратова князь Федор отпущен к Москве, а на его место во 128 году послан с Москвы князь Ефим княж Федоров сын Мышетцкой, ... послан во 128 году в июле»⁵⁷. Можно представить, при каких обстоятельствах происходила эта смена воевод.

30 июля 1620 г. из Астрахани в Казань отправился большой караван, в составе которого находились прежние астраханские воеводы Андрей Андреевич Хованский, Алексей Михайлович Львов и их помощники – знаменитый дьяк Иван Тимофеев и Иван Грязев. Этим же караваном везли на 12 стругах государеву рыбу, плыли также «русские торговые люди на больших судах и в кладных стругах с рыбою и солью и с товары, да тезиков (купцов) едет человек с тридцать с товары ж». Список будет полным, если к нему добавить членов посольства М.П. Борятинского вместе с гробом самого посла, умершего в Персии ещё полтора года назад, 15.12.1618 г., персидского посла Булат-бека со свитой, персидского же купца Ага Асана с товарами. Персы везли с собой в подарок царю Михаилу Федоровичу живого слона («а слона велено отпустить с кызылбашским послом»). Караван сопровождал крупный отряд стрельцов. Такая предосторожность не была излишней в связи с участившимися случаями нападения донских и волжских казаков на караваны на Волге.

Этот караван прибыл в Саратов во второй половине августа 1620 г., примерно через 20 дней после отплытия из Астрахани. Тогда же из Москвы приехал в Саратов новый воевода Ефим Мышецкий. Из Саратова «на легком стружку канун Семена дня» (около 1 сентября) отправились гонцы в Казань: «торговые люди свияженин Ларя Онтипин и казанский посадский человек Якуш Минин», которые, прибыв в Казань 12 сентября, доложили местным воеводам, что караван «пошел с Саратова того же дни» (Семен день), а при-



бытие его в Казань ожидается к Покрову Святой Богородицы⁵⁸. Можно предположить, что Федор Тимофеевич убыл из Саратова в начале сентября 1620 г. вместе с этим караваном и 25–26 сентября прибыл в Казань, откуда направился в Москву.

После Саратова Ф.Т. Черново-Оболенский в 1622–1623 гг. был воеводой в Ржеве Володимировой: «Во Ржеве-Володимирове воевода князь Федор княж Тимофеев сын Чорного-Оболенской». Он сменил в этом городе воеводу Н.Н. Гагарина⁵⁹. Здесь Федор Тимофеевич находился до прибытия нового воеводы Ф.С. Вельяминова: «Во Ржеве-Володимирове воевода князь Федор княж Тимофеев сын Оболенской; и князь Федор отпущен, а во Ржеве велено быть воеводе Федору Семенову сыну Воронцову-Вельяминову»⁶⁰.

В 1625 г. мы видим Федора Тимофеевича уже на южных рубежах: он командовал в Мценске «прибылым» полком. В Книгах разрядных приведен текст наказа, который был отправлен дьяками Разрядного приказа «в прибылой полк во Мценск к воеводам ко князю Федору Чорному-Оболенскому да к Ондрею Совину Лета 7133, марта в 30 день». Согласно этому наказу, срок прибытия Ф.Т. Черново-Оболенского в Мценск был указан «Вербное воскресенье, апреля в 10 день». Почти одновременно с Федором Тимофеевичем в мае 1625 г. воеводой в Мценск был назначен Степан Васильевич Чемесов⁶¹. В одном из документов Разрядного приказа приводятся сведения о тех мерах, которые правительство Михаила Романова предпринимало по отношению к дворянам, не явившимся на службу к Федору Оболенскому в Мценск⁶². Только в октябре 1625 г. Федору Тимофеевичу была отправлена грамота о возвращении в Москву: «Из прибылого полку, изо Мценска, отпустить к Москве воеводу князь Федора княж. Тимофеева сына Чернаго-Оболенскаго»⁶³.

После Мценска Ф.Т. Черново-Оболенский несколько лет находился в Москве: в 1626–1627 гг. в чине дворянина московского он неоднократно приглашался к столу патриарха и государя. Все записи сходные: «Августа в 15 день на праздник Успения пречистыя Богородицы... царь ... у отца своего... Филарета в столовой в патриаршей палате; у стола были ... дворяне: ... Федор княж Тимофеев сын Чернаго-Оболенской» или «у Государя ... Михаила Федоровича ... был стол, по золотой подсенной палате ел у государя отец его... у стола были ... дворяне ... Федор княж Тимофеев сын Чернаго-Оболенской»⁶⁴.

В 1627 г. в отсутствие царя Федор Тимофеевич оставался в Москве «для ее бережения», что говорит о высоком доверии к нему со стороны государя, а 14 сентября 1628 г. он присутствовал при дворе на приеме персидских купцов⁶⁵. Дворцовые разряды сообщают об участии Федора Тимофеевича 17–24 февраля 1630 г. на приеме («при приезде, в ответе и отпуске») шведского посла «Антоня Монира»⁶⁶.

В марте 1631 г., как специалиста по строительству укреплений Ф.Т. Черново-Оболенского отправили в Астрахань. В Дворцовых разрядах сохранилась следующая запись: «Марта в 30 день... да для городского дела сказано в Астрахань: князь Федор княж Тимофеев сын Оболенской да дьяк Михайло Патрикеев»⁶⁷. В апреле с началом навигации на Волге Федор Тимофеевич отплыл из Нижнего Новгорода к новому месту службы. Его маршрут по Волге в апреле-мае 1631 г. проходил через Саратов. Та саратовская крепость, в строительстве которой принимал участие Федор Тимофеевич 14 лет назад, сильно пострадала от нападений татар. Укрепления её стали ненадежными и недостаточными. Когда Федор Оболенский по пути в Астрахань в мае 1631 г. останавливался в Саратове, строительство новой саратовской крепости уже шло полным ходом под руководством воеводы Степана Васильевича Чемесова. Аналогичное «городовое дело», но в более крупных размерах, предстояло предпринять в Астрахани Федору Тимофеевичу. Отдохнув несколько дней в Саратове у старого соратника по совместной службе в Мценске 1625 г., Федор Тимофеевич отправился дальше в Астрахань.

Адам Олеарий, немецкий ученый-энциклопедист, секретарь и советник голштинского посольства в Россию и Персию, впервые увидел Астрахань 15 сентября 1636 г. и оставил следующее описание: «Город этот впоследствии тиран (Иван Грозный) укрепил толстой каменной стеною, а нынешний же великий царь (Михаил Федорович) велел расширить его и построить около него Стрелецкий город (Strelitzta gorod) или часть, где живут стрельцы»⁶⁸. Это указание царя Михаила Федоровича о расширении города и постройке Стрелецкого города в 1631 г. начал выполнять Федор Тимофеевич Черново-Оболенский, за пять лет до прибытия Олеария в Астрахань. На гравюре А. Олеария восточнее Кремля, между Кремлем, Белым городом и Татарским городом обозначен под буквой «С» прямоугольник с четырьмя угловыми башнями с надписью «Der Streliprouiant haus». После строительства, предпринятого Федором Оболенским, в Астрахани, по словам Олеария, стало значительно больше стрельцов: «9 приказов, каждому из которых принадлежит 500 стрельцов».

Сведений о Федоре Тимофеевиче и о его деятельности за период с 1632 по 1639 г. пока не найдены. В 1640 г. мы видим его на воеводстве далеко на севере, в Кольском остроге. 1 декабря 1642 г. во время приема датского посла М. Шляка («графа Магияша Шлякова») Федор Тимофеевич встречал его в сенях перед Золотой палатой⁶⁹. В июне 1643 г. Федор Оболенский уже в преклонном возрасте был послан воеводой под Темников и Ломов против ногайцев⁷⁰. 16 января 1648 г. Ф.Т. Черново-Оболенский упоминается в чине свадьбы царя Алексея Михайловича и Марии Ильинишны Милославской: «шел за санями



государыни»⁷¹. Умер Федор Тимофеевич около 1650 г. без потомства.

Хочется надеяться, что эта попытка воссоздания биографии князя Федора Тимофеевича Черново-Оболенского, жившего на переломном этапе отечественной истории, несмотря на отрывочность и фрагментарность приведенных сведений, позволит полнее представить образ этого деятеля Смутного времени, возбудит интерес к событиям Смуты – периоду истории, на долгие годы определившему судьбу страны.

Примечания

- 1 Славянская энциклопедия. XVII век: В 2 т. Т. 2. Н–Я / Авт.-сост. В.В. Богуславский. М., 2004. С. 54.
- 2 Дачные книги Деревской пятины. 1610/11 // Riksarkivet, Stockholm, Ockupationsarkivet från Novgorod (далее – RA, NOA). Serie 1:38. Л. 3-5. Данный документ из Новгородского архива, как и все последующие, указаны автору этих строк А.А. Селиным.
- 3 См.: *Кобзарева Е.И.* Переговоры Новгорода со шведами об избрании Карла Филиппа на русский престол // Новгородский исторический сборник (далее – НИС). № 9 (19). СПб., 2003. С. 361; См. также: Новгородские записные кабальные книги 100–104 и 111 годов (1591–1596 и 1602–1603 гг.) / Под ред. А.И. Яковлева. М.; Л., 1938.
- 4 *Сухотин Л.М.* Четвертки Смутного времени (1604–1617) // Чтения в обществе истории и древностей Российских (далее – ЧОИДР). 1912. Кн. 2. С. 315.
- 5 Боярский список 1606–1607 гг. с указанием об участии в боевых действиях против восставших // Народное движение в России в эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608: Сб. документов / Отв. ред. Н.М. Рогожин; Ин-т российской истории. М., 2003. № 39. С. 137.
- 6 См.: *Сухотин Л.М.* Указ. соч. С. 315.
- 7 *Селин А.А.* Ладога при Московских царях. СПб., 2008. С. 39; См. также: *Тюменцев И.О.* Смута в России в начале XVII столетия: Движение Дмитрия II. Волгоград, 1999. С. 551.
- 8 См.: Новый летописец // Полное собрание русских летописей Т. 14. Первая половина (далее – Новый летописец). СПб., 1910. С. 110, 112. Гл. 264, 270.
- 9 *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода в период Смуты XVII в. М., 2005. С. 136, 175, 180.
- 10 Там же. С. 136.
- 11 См.: Приговор митрополита Исидора, князя И.Н. Большого Одоевского, земских чинов. 25 декабря 1611 г. // Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографической Комиссией (далее – ДАИ). СПб., 1846. Т. 1. № 162. С. 284.
- 12 *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода.... С. 136, 192.
- 13 См.: Роспись, сколько в Водской пятине дворянам и детям боярским и вдовам и недорослям дано поместий по приговору бояр и воевод Якова Пунтусовича Делегарда да князя Ивана Никитича Болшого Одоевского в нынешнем во 122 г. // RA, NOA. Serie 2:79. Л. 21–22.

- 14 См.: Дело по челобитной стольника кн. Ф. Черново-Оболенского о невзимании кормов с его поместья в Обонежской пятине вконец разоренного литовскими людьми. 1612, мая // RA, NOA. Serie 2:354. Л. 38-40.
- 15 Челобитная боярам и воеводам подьячего Федки Ларионова о даче денег из государевой казны. 1611. Декабря 28 // RA, NOA. Serie 2:71. Л. 4; См также: Дело по челобитной крестьянина Приезжего Михеева... 1612. 22.08 // RA, NOA. Serie 2:174. Л. 28-31.
- 16 См.: *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода... С. 136.
- 17 См.: Отписка устюжан к вычегодцам, с приложением трех отписок к воеводе князю Дмитрию Михайловичу Пожарскому с товарищами: от Новгородского Митрополита Исидора, о немедленном отправлении из Новгорода в Ярославль посланников с полномочием, для совещания об избрании шведского королевича на Российский престол; от воеводы князя Одоевского и всех новгородцев о том же; от шведского полководца де ля Гарди о согласии его послать в Ярославль опасный лист для беспрепятственных сношений князя Пожарского с новгородцами. 1612 года в июне // Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией Академии Наук (далее – ААЭ). Т. 2. СПб., 1836. № 208. С. 352–358.
- 18 Новый Летописец. С. 121 (Гл. 299. «О послах из Новагорода»); См. также: Отписка кн. Д.М. Пожарского и Ярославской Земской думы митрополиту Исидору. [1612 г.] // ДАИ. Т. 1, № 164. С. 286–290; *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. СПб., 2008. С. 362.
- 19 Грамота бояр и воевод Степану Васильевичу Теглеву о даче жене посланного в Ярославль кн. Ф.Т. Черново-Оболенского хлеба из опального хлеба Андрея Трусова. 1612. 3.06 // RA, NOA. Serie 2:356. Л. 81, 85.
- 20 Отписка устюжан к вычегодцам в июле 1612 г. Переговоры Пожарского с новгородцами. Речи новгородских посланников игумена Геннадия Николы Чудотворца Вяжицкого монастыря, кн. Ф.Т. Черново-Оболенского. Список. 1612 г. // ААЭ. Т. 2, № 210. С. 370.
- 21 Там же.
- 22 Новый Летописец. С. 121.
- 23 См.: *Смирнов С.* Биография князя Дмитрия Михайловича Пожарского. М., 1852. С. 38; *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия. М., 1994. С. 734; *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Соч. В 18 кн. Кн. IV. Т. 7–8. М., 1994. С. 723; *Любомиров П.Г.* Очерк истории нижегородского ополчения (1611–1613 гг.). М., 1939. С. 142.
- 24 См.: *Замятин Г.А.* К вопросу об избрании Карла Филиппа на русский престол (1601–1616). Юрьев, 1913. С. 52; *Корсакова В.* Пожарский, кн. Дмитрий Михайлович // Русский биографический словарь: Плавильщиков-Примо. СПб., 1905. С. 228.
- 25 См.: *Герасимов А.А.* Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Труды СУАК. Вып. 30. Саратов, 1913. С. 65.
- 26 См.: Окружная Грамота (в списке) Военачальника Князя Дмитрия Михайловича Пожарского в Сибирские



- города: о происшествиях в Великом Новгороде и о присылке к нему в ополчение выборных от всякого чина людей с полномочием для советования с новгородскими посланниками, избрать ли на Российское Царство шведского Королевича Карла Филиппа. 1612 года, июня 10 // Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии Иностранных дел (далее – СГГД). СПб., 1819. Т. 2. № 282. С. 598–599; См. также: ААЭ. Т. 2. № 208. С. 352–358.
- 27 ААЭ. Т. 2, № 210. С. 370.
- 28 ДАИ. Т. 1, № 164. С. 286–290
- 29 Новый Летописец. С. 121.
- 30 Грамота бояр и воевод подьячему Михаилу Кудрявцеву ехать по Бельской дороге для встречи послов Новгородского государства, возвращающихся из Ярославля и для сбора кормов для послов. 1612. 13.08 // RA, NOA. Serie 2:356. Л. 69–70.
- 31 См.: Донесение Якова Делагарди Густаву Адольфу. 1613. 23.8 // Арсеньевские шведские бумаги 1611–1615 гг. / Пер. А.В. Полторацкого // Сб. Новгородского общества любителей древности (далее – Сб. НОЛД). Новгород, 1911. Вып. V. С. 15.
- 32 ДАИ. Т. 1, № 164. С. 286–290
- 33 Книги записи поместных пошлин с трех пятин, Водской, Шелонской и Деревской. 1612/13 // RA, NOA. Serie 1:100. С. 4–5.
- 34 См.: Челобитная Федора Витовтова, Андрея Шаховского о том, переписывать ли им заново поместья Ивана Якушкина, Смирного Отрепьева и князя Федора Черного Оболенского // RA, NOA. Serie 2:51. Л. 81.
- 35 Роспись новгородского войска. 1613, март // RA, NOA. Serie 2:170-B. Л. 11.
- 36 См.: *Седов П.В.* Захват Новгорода шведами в 1611 г. // НИС. 1993. № 4 (14). С. 121.
- 37 Дело по челобитной Григорья Ондреева с. Ресницына о поместье своего отца в Деревской пятине. 1613, март // RA, NOA. Serie 2: 186. Л. 44.
- 38 См.: *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода... С. 258.
- 39 *Кобзарева Е.И.* Новгородское дворянство в период Смуты: опыт реконструкции конкретных биографий // Новгородика-2006: Материалы науч. конф. Великий Новгород, 2007. С. 186.
- 40 Розыск об изменничьем имуществе Григория Павлова сына Загоскина и Ивана Андреева сына Загоскина. 1613. 3.10 – 1614. 29.07 // RA, NOA. Serie 2: 101-B. Л. 3, 8–9.
- 41 См.: Поручная запись кн. Ф.Т. Черново-Оболенского и др. лиц по кн. Ефиме Федорове с. Мышецком в том, что быть ему в Новгороде и не отъехать в «изменные» города. 1614. 17.01 // ДАИ. Т. 2, № 9. С. 18–19.
- 42 См.: Поручная запись новгородских детей боярских по Богдане и Федоре Петровым детям Тушина. 1613. 23.12 // RA, NOA. Serie 2:128; Поручная запись о невыезде за рубеж Лупандиных и Нарбековых. 1613. 20.11 // ДАИ. Т. 2, № 9. С. 17–18.
- 43 *Замятин Г.А.* К истории Земского собора 1613 г. // Тр. Воронеж. гос. ун-та. 1926. Т. III. С. 63; *Он же.* Россия и Швеция в начале XVII века. Очерки политической и военной истории / Сост. Г.М. Коваленко. СПб., 2008. С. 227 (Из истории борьбы Швеции и Польши...), с. 369 (Борьба за Псков...); см. также: Отписка кн. Д.Т. Трубецкого царю. 1614 г. // РГАДА. Ф. 96. Шведские дела. 1614 г. № 1. Л. 101.
- 44 См.: Память Ф.Н. Неклюдову и подьячему Б. Бересскому о даче хлеба вдовам детей боярских. 1614. 12.09 // RA, NOA. Serie 2: 289. Л. 1.
- 45 Дело о раздаче помещикам новгородских поместий по приговору Эверта Горна и князя Ивана Одоевского. 1615, апрель // ДАИ. Т. 2, № 40. С. 69.
- 46 *Селин А.А.* Новгородское общество в эпоху Смуты. С. 466; *Славянская энциклопедия. XVII век. Т. 2. Н–Я.* С. 54.
- 47 Память Г.С. Оболянинову о даче семян дворцовому дьяку Пятому Григорьеву и Филону Оничкову из отписного поместья Лобана Лугвенева, что было дано кн. Федору Оболенскому. 1614, авг. // RA, NOA. Serie 2: 148. Л. 13; Роспись поместных дач во 122 г. // RA, NOA. Serie 2: 79. Л. 22; Выпись из ужиных и умолотных книг ... Старорусского уезда. 1614/1615 // RA, NOA. Serie 2: 66. Л. 10.
- 48 *Сухотин Л.М.* Указ. соч. (1604–1617). С. 315.
- 49 См.: *Кобзарева Е.И.* Шведская оккупация Новгорода ... С. 351. См. также: Кормленная книга Костромской чети 1613–1627 гг. // Русская историческая библиотека (далее – РИБ). СПб., 1894. Т. 15.
- 50 *Сухотин Л.М.* Указ. соч. С. 226.
- 51 Приходно-расходная книга Разряда 7123 года / Приходно-расходные книги московских приказов. Книга первая // РИБ. Т. 28. М., 1912. Стб. 347.
- 52 См.: *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 142–143.
- 53 Книга, а в ней писаны бояре, и окольные и думные люди с денежными оклады, а стольники, и стряпчие и дворяне московские, и дьяки, и жильцы из городов дворяне ... с поместьями и с денеж...124 году // Акты Московского государства, изданные Академией Наук / Под ред. Н. А. Попова (далее – АМГ). Т. 1 (1571–1634). СПб., 1890. № 108. С. 141.
- 54 Книги разрядные по официальным оных спискам (далее – КР). СПб., 1853. Т. 1. Стб. 405, 545, 663.
- 55 Осадный список 1618 г. // Памятники истории Восточной Европы. Т. VIII / Сост. Ю.В. Анхимюк, А.П. Павлов. М.; Варшава, 2009.
- 56 См.: Посольство князя Михаила Петровича Борятинского. Статейный список // Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. Т. 3 / Под ред. Н.И. Веселовского // Тр. Восточного отд-ния императорского Русского археологического общества. Т. 22. СПб., 1898. С. 396.
- 57 КР. Т. 1. Стб. 720, 871.
- 58 Донесение казанских воевод Бориса Лыкова и Федора Борятинского царю Михаилу Федоровичу. 1.10.1620 г. // Посольство князя Михаила Петровича Борятинского // Тр. Восточного отд-ния императорского Русского археологического общества. Т. 22. С. 390–392 (о караване), 386, 388 (о слоне), 438 (о дате смерти М.П. Борятинского).
- 59 См.: КР. Т. 1. Стб. 867, 762.



- ⁶⁰ См.: КР. Т. 1. Стб. 923.
⁶¹ Там же. Стб. 1086–1087, 1120.
⁶² Доклад и боярский приговор о нетчиках // АМГ. Т. 1, № 185. С. 200.
⁶³ Дворцовые разряды по высочайшему повелению изданные II отделением собственной ЕИВ канцелярии (далее – ДР). Т. 1. СПб., 1850. Стб. 755.
⁶⁴ ДР. Т. 1. Стб. 831 (6 авг. 1626 г.); Там же. Стб. 832 (15 авг.); Там же. Стб. 878 (6 янв. 1627 г.); Там же. Стб. 880 (2 февр.); Там же. Стб. 906 (18 марта); Там же. Стб. 909 (25 марта) и т.д. См. также: Записные книги Московского стола. 1626, мая 5 – 1627, августа 31 // РИБ. Т. 9. С. 404, 437, 445, 472, 475, 489.
⁶⁵ См.: ДР. Т. 2. СПб., 1851. Стб. 6.
⁶⁶ Там же. Стб. 841.
⁶⁷ ДР. Т. 2. Стб. 194; Ср.: Славянская энциклопедия. XVII век. Т. 2. С. 56 (здесь ошибочно указан 1630 г.)
⁶⁸ *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию // Россия XV–XVII вв. лазами иностранцев. Л., 1986. С. 460.
⁶⁹ См.: ДР. Т. 2. Стб. 640, 695.
⁷⁰ «Того же году июня в 5 день по ногайским вестям, что приходили татары воевать Темниковские места, послал Государь воевод: на Ломов воеводы князь Федор князь Тимофеев сын Черной-Оболенской». См.: ДР. Т. 2. СПб., 1851. Стб. 703.
⁷¹ ДР. Т. 3. СПб., 1852. Стб. 81.

УДК 94(4)+94(47).08

«КАЖДУЮ РУССКУЮ НОТКУ ЦЕНИТЬ НА ВЕС ЗОЛОТА...»: СТРАНИЦЫ СПОРА О КНИГЕ Н. Я. ДАНИЛЕВСКОГО

Д. Е. Луконин

Саратовский государственный университет,
e-mail: lukonin@info.sgu.ru

Статья посвящена спору о русском искусстве, вызванному обсуждением книги Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Точки зрения Данилевского и его критика Владимира Соловьева рассмотрены с позиций русской художественной интеллигенции. Выдающийся критик Владимир Стасов, выразивший мнение националистически настроенных русских художников и музыкантов, выступил в этом споре против взглядов Соловьева. Этот любопытный факт не рассматривался ранее в научной литературе. Автор проясняет позицию Стасова и делает вывод о важном значении спора вокруг «России и Европы» для становления самосознания русской художественной интеллигенции.

Ключевые слова: русская художественная интеллигенция, русское искусство, Н. Я. Данилевский, В. С. Соловьев, В. В. Стасов.

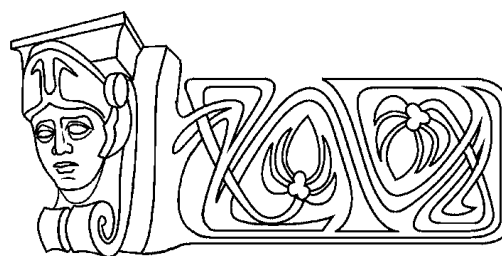
«Kazhduju Russkiju Notku Tsenit' na Ves Zolota...»: the Pages of Dispute on Book N. Danilevsky

D. E. Lukonin

This article is devoted to the dispute about the Russian art, which are developed as regards the Danilevsky' book «Russia and Europe». There were distinguished the points of view Danilevsky and Vladimir Soloviev, his opponent, from the positions of Russian art intellectuals. The well-known critic Vladimir Stasov, who represented nationalistic tendency among Russian artists and musicians, appeared against Soloviev's side in this dispute. This significant fact was not considered in the scientific literature. The author clarifies the Stasov's position and proved the important value of dispute on «Russia and Europe» for self-consciousness of Russian art intellectuals.

Key words: Russian art intellectuals, Russian art, Nikolay Danilevsky, Vladimir Soloviev, Vladimir Stasov.

В своей известной работе «Россия и Европа», которая впервые увидела свет на страницах перио-



дической печати в 1869 г., выдающийся русский мыслитель Н. Я. Данилевский сформулировал концепцию «культурно-исторических типов», определявшую место русской культуры и искусства во всемирно-историческом процессе. Однако при жизни автора это сочинение осталось практически незамеченным. Широкий общественный резонанс идеи Данилевского приобрели только к концу 80-х гг. XIX в., когда автора уже не было в живых. Н. Н. Страхов, апологет концепции Данилевского, полагал, что книгу «Россия и Европа» «можно назвать катехизисом или кодексом славянофильства, так полно, точно и ясно в ней изложено учение о славянском мире и его отношении к остальному человечеству»¹. Современная, теперь уже достаточно многочисленная, литература, посвященная этому сочинению, в основном дает более взвешенные оценки². Но, так или иначе, была ли концепция «культурно-исторических типов» квинтэссенцией славянофильства, противостояла ли она «западническим» взглядам или во многом она была совершенно оригинальным учением и стояла особняком от «главного русского спора»³, нам она интересна по двум причинам. Во-первых, Н. Я. Данилевский в логически продуманной форме представил такую позицию русской культуры и искусства, которая будет весьма характерна для самосознания русской художественной интеллигенции в 80-е гг. XIX в. Во-вторых, идеи Данилевского были известны самим русским художникам и музыкантам и имели существенное влияние на формирование их взглядов и представлений.

Один из самых заметных представителей русской художественной критики В. В. Стасов в начале 80-х гг. еще с осторожностью говорил о превалировании русской художественной школы